

Леонид АРИНШТЕЙН

В чередѣ событий, приведших Пушкина к роковому барьеру, истории с анонимным пасквилем принадлежит особое место. Именно с нее начинается неотвратимый отсчет времени до смертельного выстрела на Черной речке. Но вот что удивительно: на фоне того, что все преддверные события десятки раз описаны и переписаны, все сплетни тщательно собраны и дотошно изучены, история с пасквилем поражает своей необъяснимой загадочностью, полной непроницаемостью. Выдвигались различные версии: подозреваемыми были нидерландский посланник Геккерн, приемный отец Дантеса; князь Петр Долгоруков, князь Иван Гагарин... Все эти версии со временем были опровергнуты. И другие рассыпались так же быстро.

Между тем несколько лет назад академик М.П.Алексеев обратил внимание на след, ведущий совсем в другом направлении, именно к давнишнему "демону" Пушкина Александру Раевскому, человеку крайне безнравственному и озлобленному. Еще в молодые годы он буквально терроризировал Пушкина, полностью подчинив его своему влиянию и всячески утверждая собственное превосходство. Он был соперником Пушкина в любви, вливал в его душу яд скептицизма... Именно тогда, во время южной ссылки, по мнению блестящего знатока этого периода М.П.Алексеева, Раевский познакомил Пушкина с "Историей Золотого Петуха" Ф.Клингера - пародийно-кошунственным произведением, где рассказывается, в частности, о волшебном Золотом Петухе, под перьями которого скрывался Prince des Cocus - "принц всех рогоносцев", своеобразный Дон Жуан, герой многочисленных любовных походов, объявляющий себя даже... отцом Иисуса Христа. М.П.Алексеев полагал, что эта история была очень актуальна в отношениях Пушкина и Александра Раевского, "не только поощрявшего в поэте богохульство... но и бывшего его "демоном" и предателем и искусно, со злостью создававшего такие ситуации в их отношениях с замужними женщинами, когда они становились соперниками в наставлении рогов мужьям этих женщин. Слово "сосу" было у Раевского и Пушкина популярным и, безусловно, являлось предметом обсуждения, горечи и душевных мучений".

Не останавливаясь на этом, М.П.Алексеев приходит к следующему выводу: "Трудно отделаться от вызывающего очень горестное чувство подозрения, что клингеровской пародией воспользовались анонимные издатели грязного и подлого подметного письма, несколько экземпляров которого Пушкин получил в ноябре 1836 г. Оно написано по-французски и даже по стилю напоминает признания "принца рогоносцев" у Клингера".

В связи с анонимным пасквилем Пушкин вспомнил не только историю о Золотом Петухе, но и имя Александра Раевского. Вот что писал Жуковский Пушкину 14 или 15 ноября 1836 г.: "Вчера в вечеру... заехал я к Вяземскому. Вот что приблизительно ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо: я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как станут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит того человека в грязь; громкие подвиги Раевского - детская игра в сравнении с тем, что я намерен сделать...".

Все это очень хорошо, особенно после обещания, данного тобою Геккерну в присутствии твоей тетушки... что все происшествие останется тайною".

Следует учитывать, что княгиня Вяземская была един-

Так кто же автор пасквиля?

ственной поверенной Пушкина в период его влюбленности в Воронцову и соперничества с Раевским в Одессе и осталась таковой в последующие годы. И вот именно с ней он заговорил о Раевском в связи с пасквилем через несколько дней после его получения.

Что именно говорил ей Пушкин о Раевском, остается для нас не вполне ясным. Не было это ясно и Жуковскому, который, поняв упоминание о Раевском в том смысле, что Пушкин собирается устроить такой же скандал в отношении Геккерна, как некогда устроил Раевский Воронцовой, упрекает его в нарушении данного ему обещания.

Между тем Пушкин скорее всего и данного им слова не нарушал, и никакого скандала Геккерну устраивать не собирался, а обсуждал с княгиней Вяземской именно возможность авторства Раевского, известного им своими низменными и грязными поступками.

Принято считать, что Пушкин был, безусловно, уверен в авторстве Геккерна. В действительности это далеко не так.

На первых порах Пушкин субъективно легко поверил в эту версию, поскольку она развязывала ему руки для дуэли с Дантесом.

Характерно и другое: когда Пушкин, вняв уговорам Жуковского и Е.И.Загряжской, согласился отказаться от дуэли и принять за чистую монету сватовство Дантеса к Екатерине Гончаровой, то вопрос об авторстве Геккерна как бы отпал сам собой, и именно тогда в разговоре с Вяземской возникает имя Раевского. Более того, в написанном в те дни официальном письме об отказе от дуэли Пушкин совершенно недвусмысленно формулирует, за что он направил Дантесу вызов: "За то, что он вел себя по отношению к моей жене так, как мне не подобает допускать (в случае, если господин Геккерн потребует указать причину вызова)".

Не тратя время на поиск автора, Пушкин посылает вызов Дантесу, о неприличных ухаживаниях которого за Натальей Николаевной он уже имел достаточно сведений.

Дальнейшее развитие событий - уговоры Жуковского и Загряжской, сватовство Дантеса к свояченице Пушкина - вынудили Пушкина взять свой вызов обратно. Именно тогда он вплотную задумывается над менее для него важным, но, однако же, крайне оскорбительным пасквилем: кто и с какой целью изготовил это гнусное послание?

Тогда, то есть 11 - 12 ноября, и происходит его разговор с Вяземской, из которого можно сделать вывод, что подозрения Пушкина какое-то время падали на Раевского. Однако между 15 и 20 ноября произошло нечто - мы не знаем, что именно, - что заставило Пушкина заподозрить в качестве автора пасквиля Геккерна. 21 ноября Пушкин пишет два письма: одно - Бенкендорфу, где прямо и уверенно обвиняет Геккерна, второе - самому Геккерну, где в потоке обвинения Дантесу и его приемному отцу изготовление пасквиля выдвигается как одно из основных обвинений против Геккерна.

События помешали Пушкину отправить письма В.А.Соллогуб, которого Пушкин познакомил с текстом письма к Геккерну, тотчас же разыскал Жуковского и пересказал ему содержание письма. Жуковский сообщил

обо всем этом царю, и буквально на следующий день (23 ноября) царь призвал Пушкина и сумел отговорить его от посылки письма Геккерну, то есть от неминуемо последовавших бы за этим скандала и дуэли. С этого момента какие бы то ни было упоминания о Геккерне как об авторе пасквиля исчезают из переписки Пушкина, и никаких свидетельств в воспоминаниях современников о том, что Пушкин продолжал считать Геккерна автором, говорил с кем-то на эту тему или продолжал розыски автора, не сохранилось. Более того, в письме, отправленном 24 января 1837 г. Геккерну, которое послужило непосредственным поводом к последней дуэли с Дантесом, Пушкин переписал практически все, что он писал в ноябрьском черновике, сделав одно-единственное исключение: убрал из него обвинение Геккерна в авторстве пасквиля. Сам же ноябрьский черновик, содержавший такие обвинения, Пушкин изорвал в клочки, которые были найдены Жуковским после смерти Пушкина и восстановлены последующими исследователями.

Вернемся, однако, к тексту пасквиля.

Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus réunis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maitre de l'Ordre, S. E. D. L. Narychkine, ont arrêté à l'unanimité Mr. Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.
secrétaire perpétuel: C. J. Morch

Помимо очевидной близости довольно редких словосочетаний "Prince des Cocus" и "Grand-Maitre de l'Ordre des Cocus", равно как и языковой, и стилистической близости пасквиля и признаний "принца рогоносцев" из "Истории Золотого Петуха", которые навели академика М.П.Алексеева на подозрения об авторстве Раевского, имеется еще один очень существенный след, укрепляющий эти подозрения.

На сохранившемся сургучном оттиске печати явственно видна монограмма "А.Р.", которая, если учитывать, что письмо написано по-французски, может быть прочитана как начальные буквы "Alexandre Pouchkine", а если по-русски - как "Александр Раевский".

Двусмысленность вполне в духе Раевского!

Далее на печати - хижина и лиана, - возможно, намек на африканское происхождение Пушкина; масонский циркуль (Раевского и Пушкина связывало членство в масонском братстве). И, пожалуй, главное - "какая-то странная птица", как описал ее один из исследователей оттиска печати. Птица действительно очень странная: с каким-то

огромным и непонятным пером. Но прочтем описание волшебного петуха у Клингера: "Петух был самой красивой в мире птицей: перья его были золотые, гребешок красный, лапки маленькие, пепельно-серебряные... Лишь один недостаток уродовал миловидную птичку, к огорчению всех, кто ее видел. Противное перо мышиного цвета спускалось с гребешка на самый клюв, подобно бараньему рогу; оно было огромного размера; с трудом можно было разглядеть петуха. Оно покрывало всю птицу и сжимало всю его голову".

Что же могло заставить Раевского послать Пушкину пасквиль? Вероятно, его маниакальная гордыня, укреплявшаяся с юных лет головокружительной карьерой, которая затем внезапно рухнула...

Отличившись еще 17-летним юношей на Бородинском поле благодаря своему отцу, Александр Раевский в 21 год был уже полковником, а в 30 - камергером. Безудержная гордыня подвела Раевского: он настолько зарвался, что в 1828 г. учинил неприличный уличный скандал первой леди Одессы, супруге генерал-губернатора графине Е.К.Воронцовой, за что, несмотря на все свои былые заслуги и чины, был выслан императором Николаем I из Одессы без права проживания в столицах. Лишь шесть лет спустя, в начале 1834 г., он получил позволение поселиться в Москве, где в ноябре того же года женился - далеко не блестяще, и вскоре вновь встретился с Пушкиным. Пушкин в это время был в зените своей славы, женат на первой красавице Петербурга, благосклонно принят при дворе и пользовался расположением самого государя... Для озлобленной души Раевского успехи Пушкина были невыносимы: он не мог внутренне примириться с тем, что человек, которого он считал по всем линиям ниже себя, так превзошел его в жизненных успехах. Раевский объяснял это себе не столько талантом и достоинствами самого Пушкина, сколько "успехами" его красавицы жены.

После еще одной встречи с Пушкиным в мае 1836 г., когда по Москве ходили какие-то толки о внимании к жене Пушкина самого императора, Раевский с присущей ему злостью и желчностью дает выход своим чувствам в едком, оскорбительном, насмешливом пасквиле...

Судя по печатке, Раевский не очень-то стремился скрыть свое авторство, а возможно, даже намеренно давал понять Пушкину через ему одному понятную символику, кто направил ему пасквиль. Столь изощренное издевательство, оставлявшее его в то же время незапятнанным в глазах других, более чем характерно для Раевского. Впрочем, едва ли он сам ожидал, к какой кровавой развязке приведет его злобная шутка. После смерти Пушкина он, по-видимому, был обеспокоен тем, чтобы его авторство - а по существу соучастие в убийстве - не раскрылось. Весть о трагической дуэли застала Раевского в Крыму. В письме Юлии Беркгейм к Н.Н.Раевскому из Кореиза (февраль 1837 г.), где сообщались подробности о смерти Пушкина, рукой Александра Раевского сделана приписка к упоминанию об анонимном письме: "...которое написал кривоногий Долгорукий".

Кто ищет вину другого, тот виновен сам - гласит французская пословица.

Пушкин А.С.

10.2.96.